

«БЫТЬ «ЗВЕЗДОЙ» — НЕ ЦЕЛЬ, А СРЕДСТВО»

Мы договорились с Михаилом Боярским встретиться на следующий день после моего звонка.

— Позвоните, у меня весь день будет свободный.

А на следующий день он пригласил меня в Ленинградский дом писателей. Я пришла, он гримировался. Здесь идут съемки картины «Двадцать лет спустя» с теми же исполнителями и той же съемочной группой, что снимала «Три мушкетера». Говорили мы в перерывах между съемками.

— На съемках я отдыхаю!

ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ у Михаила Боярского: свободный день.

— ПОСЛЕДНИЕ пятнадцать лет при ежегодном исследовании зрительских симпатий ваше имя называется в первом ряду как звезды кино, эстрады, театра и ТВ. Популярность пришла к вам довольно быстро и стойко много лет не оставляет вас. Наверное, это трудно! И здорово обижает! Что вы делаете для того, чтобы столько лет сохранять ее!

— Конечно, можно было бы сказать, что я ничего не делаю, а просто увлеченно работаю. Но это будет неправда. Популярность — очень вкусное блюдо, а холодным его есть хуже. Это блюдо надо все время подогревать.

Я — представитель массовой культуры. К сожалению, в этом плане мы стали похожи на американцев. У нас появилась массовая культура: рок, диско, барды. И все на продажу. Когда культура зависит от рынка и «массовости», популярность необходима.

Массовой культурой в разное время становится то, что наиболее пользуется успехом у зрителя. А так как обычно самый многочисленный зритель — это молодежь, то она определяет и создает эту массовую культуру. Рок-ансамбли — создание молодых,

дискоотеки — тоже, барды, как правило, уже в школе заявляют о себе, взяв в руки гитары. К массовой культуре, конечно, сейчас надо отнести и кино, и телевидение, и эстраду. Мы стремимся здесь подражать США. И у нас это вторично. И, как всегда бывает в подражательстве, отсутствует часто хороший вкус.

Правда — кроме бардовского искусства, или, как мы называем это, — авторской песни. Здесь мы, пожалуй, на высоте. У нас Б. Окуджава, у нас В. Высоцкий!

Я — участник массовой культуры, но хочу заниматься элитарным искусством, хочу создавать свой театр. Наш театр мы назвали «Бенефис». Он только еще строится. Это мечта моя и многих моих единомышленников. Это будет театр поиска, театр открытий, жанра, драматургии, но прежде всего дарований.

— Но ведь он уже существует!

— Да, по сути, он существует уже два года, но это явные первые шаги. Каждый актер, который хотел бы показать свои работы и который уже утвердил себя, может выступить от нашего театра. Конечно, если то, что он делает, со-

ответствует нашему художественному кредо. Так у нас работали А. Розенбаум, В. Леонтьев. Фактически мы организовывали их концерты. Помещение еще строится. И в будущем мы мечтаем дать возможность тем, кто сейчас в поисках истинных сценических ценностей ютится по подвалам и случайным залам, работать на нашей сцене. Конечно, и тут мы не сидим сложа руки и не ждем, когда нам вручат ключи. У каждого из сорока человек есть и в этот период свои нагрузки, свои задачи, и их много.

Но, как известно, для спокойного творчества нужна материальная база. И тут, неприменно в этом признаться, надо заниматься конъюнктурой. То есть делать то, что дороже продается, что котируется на рынке массовой культуры. Такова наша жизнь сейчас...

Поэтому стараюсь не выходить из звездного круга. Это не значит, что я вставляю кольцо в ухо и пойду выступать на любую площадку. Я отказываюсь от съемок фильмов, когда мне не нравится сценарий. Я не могу изменить режиссеру, например Юнгвальд-Хилькевичу, который снимает сейчас «Двадцать лет спустя». Я отказываюсь от больших и дальних гастролей. Но на неделю выхожу в больших залах, чтобы у «Бенефиса» были деньги. Ищу возможность зарабатывать валюту и не отказываюсь от съемок или концертов за рубежом, если они будут

не в ущерб моей очередной работе.

Мне хочется обеспечить штат в сорок человек, который будет заниматься «Бенефисом». Обеспечить будущее — «невыгодное» истинно высокое искусство. Возрождать высокое театральное искусство — значит способствовать возрождению нашего города. Каждый человек, родившийся в этом городе, должен искать в себе силы и возможности его возродить. Другого решения вопроса я не вижу. Мне надо быть популярным, чтобы зарабатывать деньги.

Хочется быть мужчиной, который также обеспечивает и свою семью, мать. Мне кажется, что возрождение высокой культуры надо начинать с возрождения культуры семьи. Семья должна быть святым.

Правда, наибольшую популярность в народе сейчас имеют представители массовой информации. Трудно в этом сравниться с Александром Невзоровым. Время диктует, на кого направить прожектор внимания.

— Я помню вашего отца Сергея Боярского в спектакле «Светите, звезды» в Театре имени В. Ф. Комиссаржевской. Это был замечательный трагикомический образ. Вашему отцу было присуще яркое, гротесковое решение ролей.

Помню вашего брата Александра Боярского в спектакле «Танцы на шоссе» в Академическом театре драмы имени А. С. Пушкина. Удивительный

романтический актер. В Рижском театре, где он потом работал долгие годы, называли его «представителем особой ленинградской культуры».

Наконец, дарование вашего дяди Николая Боярского, недавно навсегда ушедшего от нас, тоже вошло в летопись театральной культуры нашего города. Можно ли сказать, что вы продолжаете их творческий путь?

— Отец, брат и дядя были в тысячу раз интереснее и талантливее меня. Я — продукт эпохи массовой информации. Они были глубокие люди и святые. Саша учил польский и французский языки, чтобы в подлинниках читать стихи полыхов и французских. Отец трагил на книги свою нищенскую зарплату. Он очень мало получал, будучи, между прочим, одним из ведущих актеров театра. Говорить, что отец был моим учителем, неверно. Хотя сейчас, когда его нет, я как тень иду за ним. Я все спрашиваю себя, как бы в том или ином случае подумал отец, сделал, поступил.

Они работали в драме. И я хочу работать в серьезном театре, на драматической сцене, где были бы у меня единомышленники. В этом моем желании и отражается, наверное, продолжение школы Боярских. Мне очень хочется, чтобы нам удалось построить театр высокого искусства. Я не такой умный и святой, как мои родные, но я энергичный и упорный человек. Судьба, Бог наградили меня трудолюбием. Поэто-

му, думаю, мне и везет больше, чем им.

К сожалению, сейчас время энергичных, а не святых людей, к сожалению.

— Вы мечтаете о театре, но любители эстрады, особенно подростки, прописали вас на сценах стадионов, дворцов и часто спорят, к какому течению вы принадлежите. Как влияют на вас рок- или поп-ансамбли? Кто из певцов этого жанра вам близок?

— Я презирал бы себя, если бы сказал, что все чужды, и я признаю только свое искусство. Мне не интересны люди, которые видят только себя в искусстве. Кстати, мне трудно говорить с журналистами, просящими только то, что им близко. Нельзя, скажем, в изобразительном искусстве видеть одного Илью Глазунова или в оперном — одну Елену Образцову.

Мое сердце там, где мне интересно. Я люблю артистов. Многие. И искренне радуюсь каждому их открытию. Алла Пугачева, бывает, шокирует, но есть у нее минуты, секунды, которые завораживают, вызывают массу ассоциаций. И тут я прощаю ей все. И так у каждого... Если есть тайна, открытие, если человек проникает в мысли, в душу, — это большое, настоящее искусство. Художник должен удивлять. Великой тайной для меня всегда будет искусство Владимира Высоцкого. Он классик. Он самый смелый и самый недосягаемый. Тайной владел и

Павел Луспекаев. Сколько было в нем неожиданного, доброты до боли. Каждая роль — бунт, манифест, открытие. А тайна Евгения Леонова? Как он все это делает?!

Видите, я больше говорю о театральных актерах. Об ансамблях не говорю, потому что их последнее время появилось много одиноковых.

— Нельзя изъять прессу из понятия культура. Какие газеты вы читаете?

— Я уже сказал, что сейчас время журналистов, время публицистики. Правда, я уверен, что самым крупным публицистом, самым смелым и бескомпромиссным был Владимир Высоцкий. Он всем нам открыл путь к правде. У него был так называемый «анти-трисня». Он показал пример. Мы оставляли на его концертах сердце.

Смелость журналиста сегодня иная, она заставляет шевелить мозгами. Если бы не В. Высоцкий, не было бы сейчас такой публицистики...

И в каждой газете сегодня появляются интересные материалы.

— У вас большие творческие планы. Вы много работаете?

— Несмотря на «большие перемены», которые нас всегда ждут, я, как и все, в тупике. Правда, я задумываюсь над тем, почему Юрий Любимов ставит сегодня «Пир во время чумы», а Марк Захаров «Ромео и Джульетту»...

Хочу много работать и хочу иметь время общаться со своими детьми, ездить с ними на природу, слушать, как занимается музыкой сын Сережа. Хочу общаться с друзьями. Хочу в театре «Бенефис» сидеть на премьере, которую мы поставили.

И очень хочу, чтобы люди наконец поняли, как нам необходимо жить по правде.

Беседу вел
Р. АЗЕРАН